

АРХИВ ПАМЯТИ:

ЭВОЛЮЦИЯ ДУШИ

КЛЕОМБРОД
ЦАРЬ СПАРТЫ

ЭПАМИНОНД
ФИВАНСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

КНИГА 2

ДРЕВНИЙ РАЗЛОМ

Сергей ЮЖНЫЙ

**Архив памяти: Эволюция
Души. Книга 2. Древний разлом.**

«Автор»

2026

ЮЖНЫЙ С.

Архив памяти: Эволюция Души. Книга 2. Древний разлом. /
С. ЮЖНЫЙ — «Автор», 2026

Вырваться из пекла Мезозоя и спастись от падения метеорита — выполнено. Но цена оказалась слишком высока: преобразователь сожжён, а марсианские учёные Иван и Виктор выброшены в туманное прошлое Древней Греции. Единственные, кто способен починить их чудо-телепорт — это олимпийские боги. Вот только на деле они оказываются кастой продвинутых технократов. Их лидер, Зевс, искренне считает себя героем: он строит глобальную оборонительную систему «Молния», чтобы спасти страну от персов. Но благородная цель незаметно превратилась в удушающую тиранию, а сам правитель убежден, что народ просто неблагодарен и не понимает масштаба угрозы. Спартанцы не желают быть рабами и готовы с мечами в руках защищать свою свободу, а Зевс жаждет использовать марсианские технологии, чтобы удержать порядок. Иван и Виктор оказываются зажаты в тиски между фанатичным бунтом людей и железной логикой тирана, уверенного в своей правоте. Чем закончится это противостояние эпох? Читайте во второй книге «Древний разлом»!

© ЮЖНЫЙ С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Эллада: Осколки тирании	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей ЮЖНЫЙ

Архив памяти: Эволюция Души. Книга 2. Древний разлом.

Глава 1. Эллада: Осколки тирании

В центре лесной поляны с яростным треском лопнуло пространство. Ядовито-яркая, слепящая вспышка на мгновение выжгла тени, превратив вековые деревья в плоские черные силуэты, и тут же схлопнулась с глухим вакуумным хлопком. Оглушительную тишину нарушил лишь свист озона — резкий, металлический запах высокотехнологичной катастрофы.

Временная сфера, перегруженная и раскаленная до предела, замерла посреди примятой травы. Из её стыков и вентиляционных пазов с шипением повалил густой, едкий сизый дым. Прежде безупречная, зеркально-белоснежная обшивка — гордость марсианской инженерии — на глазах обуглилась, покрылась глубокими трещинами и кошмарными черными подпалинами. Установка выглядела так, словно её несколько часов жгли огромной паяльной лампой.

Створки люка раскрылись неохотно, со скрежетом и металлическим визгом, выпуская наружу плотное облако гари. Из этого удушливого пекла, отчаянно кашляя и задыхаясь, буквально вывалились путешественники. Иван упал первым, хватая ртом воздух и размазывая по лицу копоть, смешанную со слезами. Следом, хрипя и держась за обожженное плечо, вылез Виктор. Их выворачивало наизнанку от жутких пространственных перегрузок и токсичного дыма сгоревшей проводки. На мгновение обоим показалось, что они всё еще там, в огненной ловушке. Перед глазами Ивана сквозь пелену слез и гари всё еще стояла картина: падающий метеорит, раскальвающееся пепельное небо и сияющий Дакти, умоляющий сквозь телепатический крик спасти их общую, родную планету.

— Кха-кха!.. Фух... какой кошмар, — Иван прижал дрожащие, испачканные черной сажей ладони к лицу. Ногти впились в кожу. Сердце колотилось где-то в самом горле, мешая сделать нормальный вдох. — Я видел это... своими глазами. Конец света. По-настоящему, Вить... Не в этих дурацких марсианских фильмах, которые мы в детстве крутили на планшетах... Всё сгорело. Целый мир погиб.

— И не говори, Вань. После такого... — Виктор попытался подняться, но колени подогнулись, и он снова рухнул на четвереньки, сплевывая горькую слюну на влажный, покрытый мхом ковер. Он жадно втягивал прохладный воздух леса. — После такого начинаешь ценить каждый глоток кислорода. Мы живы. Слышишь? Мы вырвались. Сфера почернела, как уголь, но... мы живы.

— Хватит ныть, кожаные изнеженные создания! — мартышка привычно заворчала, пулей выскочив из задымленного отсека. Она отчаянно чихала, прочищая фильтры, а ее оптические линзы со щелчком перефокусировались, с трудом очищаясь от нагара. Лапки обезьянки деловито задвигались по периметру, сканируя густой подлесок. — Что было, то прошло. Мы здесь, планета крутится, законы физики пока работают. Нужно думать о настоящем. Ваша сопливая рефлексия не очистит воздух и не починит системы.

Маленький киборг деловито вышагнул вперед, упер механическую лапу в бок и застыл в позе сурового боевого генерала. Он принялся осуждающе буравить парней мерцающими линзами, строго покачивая перед их носами металлическим пальчиком.

— Некогда расслабляться и плакаться! — отчеканил он, стараясь придать писклявому голосу максимальную жесткость. — В этом мире надо быть сильными, пробивными, безэмоциональными! Идти по головам, выгрызть себе путь зубами! Только тогда мы сможем выжить

и вернуться домой, на Марс. Поэтому быстро вытрите сопли, возьмите себя в руки, и давайте оценим ущерб нашего телепорта. А после — сразу примемся за разведку!

Закончив тираду, Илюша резко обернулся к пострадавшему «ковчегу». Телепорт продолжал густо дымиться, изрядно нагретый пространственным переходом. Вокруг парней стояла глухая, первобытная темень — ни луны, ни единой звёздочки сквозь плотные кроны деревьев. Мартышка озадаченно почесал лапкой металлическую черепушку. Его искусственные глазки лихорадочно замигали, считывая тепловые сигнатуры и переваривая информацию. Суровый генеральский настрой как-то сам собой улетучился.

Он снова повернулся к замершим ученым, вздохнул и издал короткий электронный писк:

— Ладно! Короче, временно разрешаю вам пожаловаться и поплакать. Всё равно пока телепорт остывает, а на улице ни черта не видно. Как только обшивка остынет и взойдут первые лучи солнца, сразу примемся за работу. А вы ложитесь спать, набирайтесь сил. Мне тоже нужно на боковую — лягу прямо на телепорт, использую его остаточное тепло, чтобы быстро зарядить аккумуляторы до ста процентов. А то с вами я слишком много понервничал, весь заряд растратил!

Илюша закончил командовать, ловким прыжком взлетел на закопченную крышу сферы и мгновенно отключился, перейдя в режим глубокой подзарядки.

Иван и Виктор так и остались сидеть на сырой земле, молча переваривая сказанное. Слова про «идти по головам» неприятно резанули слух. Ведь именно по такой логике жил марсианский министр Анатолий. Именно это потребительское отношение погубило Землю будущего.

— И куда нас занесло в этот раз? — Ваня со стоном поднялся на ноги, морщась и осторожно потирая сильно отбитый при падении бок. Под пальцами уже наливался огромный багровый синяк.

— Я не знаю, — тихо отозвался Виктор, не открывая глаз. — Но судя по этой буйной растительности и по тому, как легко здесь дышится, делаю вывод: мы точно не в эпохе динозавров. И уж точно не в душной Африке. Давай-ка лучше поспим, Вань... А то пока мы с тобой ехали верхом на дядюшке Рексе, спасаясь от метеорита, я глаз не сомкнул ни на миг. Нам нужно выспаться. Нутром чувствую: завтрашний день будет чертовски тяжелым.

Ваня одобрительно качнул головой, соглашаясь с каждым словом Виктора. Сил на споры не осталось. Они повалились на сырой мох и мгновенно отключились.

Едва серый рассвет просочился сквозь плотную крону деревьев, Илюша встрепенулся. Его металлический хвост с глухим стуком хлестнул по обгоревшим створкам люка. Маленький киборг бесцеремонно принял расталкивать Ивана и Виктора, которые спали вповалку, отчаянно привалившись друг к другу в попытке согреться.

— Подъем, парни! Пора на разведку. Нам нужно решить, как зарядить телепорт для следующего прыжка. Ну и самое главное — как восстановить преобразователь. Мы его напрочь сожгли!

— Как сожгли?.. — Виктор тяжело сел, запустив пальцы в растрепанные, испачканные сажей волосы. Лицо его вытянулось от подступившего отчаяния. — Всё-таки сожгли? Совсем?

— Не то слово «сожгли»! — Илюша всплеснул лапками, его линзы издевательски защелкали, имитируя аплодисменты. Он театрально зашагал взад-вперед по обугленной крыше сферы, активно жестикулируя. — Мы его расплавили! Я абсолютно без понятия, как мы теперь восстановим эту грудку высокотехнологичного хлама. Чтобы эта штука снова заработала, должно произойти настоящее чудо! Нам никто здесь не поможет. Ну, кроме богов, разумеется!

Зверёк замер, прижал верхние лапки к груди и закатил глаза к небу, источая самый ядовитый марсианский сарказм:

— О да! Только высшая божественная сила снизойдет к нам, сырым и убогим, взмахнет своими волшебными ручками, сотворит чудо-ремонт и вернет нас на любимый Марс! Или мы можем просто включить коллективное самовнушение и слепо верить, что мы уже дома. Закрываем глаза... Ой, открываем! Но что-то я не наблюдаю вокруг священных красных песков. Так что, ребята, мы приехали. Конечная остановка, вылезайте!

Илюша резко сменил пафосный тон на привычный ворчливый приказ, махнув лапой в сторону чаши:

— Короче, пойдёмте хотя бы на разведку. Проверим, куда нас вообще занесло. Может, чисто случайно по пути какого-нибудь бога-кузнеца встретим в кустах? Он нам молоточком постучит — и всё отремонтирует. Вперед, искатели приключений!

— Ты уверен, Илюш, что преобразователь безнадежен? — Виктор нахмурился, делая шаг к дымящейся сфере. — Давай я сам гляну, может, можно как-нибудь...

— Витя! — Илюша всплеснул лапками и уставился на инженера как на умалишенного. — Это надо быть сказочным идиотом, чтобы сомневаться в том, что преобразователю хана! Даже Ваня со своей соображалкой тебе скажет: всё, похоронили дорогостоящее оборудование! Где мы с вами тут найдем новый преобразователь, а? Мы на Марсе-то его с трудом собрали в лучшей лаборатории Марса, из уникальных сплавов! А здесь из чего крутить будешь? Из палок и грязи?

Зверёк не затыкался ещё долго: он ворчал, сыпал техническими терминами, ругался на марсианском жаргоне, а когда ему самому надоело сотрясать воздух, махнул хвостом:

— Короче, руки в ноги и погнали! Нам надо разведать местность, выяснить, куда нас швырнуло, и уже там думать, что делать дальше. А то стоим, только лясы точим.

— Илюш, вообще-то тут только ты один лясы точишь, — тихо вставил Иван, до сих пор обиженно перебаривающий фразу про свою соображалку.

— Ой, помолчи лучше, умничаешь тут! — картинно обиделся маленький киборг и демонстративно отвернулся, вздернув нос. — Я вообще-то за вас переживаю, оболтусы! Угробили мой преобразователь... Я его вот этими самыми руками... — Илюша резко подскочил к Виктору, схватил его огромные человеческие ладони своими крошечными механическими пальцами и затряс ими в воздухе: — ...вот этими руками создавал это чудо техники, холил его и лелеял, а вы за пару минут превратили чудо технику в сплавленный металллом!

— Но, Илюш, ты же сам в Мезозое кричал, что другого выбора нет и нам нужно срочно телепортироваться, пока нас не накрыло ударной волной! — резонно возразил Виктор, аккуратно высвобождая пальцы из цепкой хватки робота.

— Ой, только вот не надо меня во всём виноватым делать! — Илюша оскорбленно прижал лапку к груди, а его линзы возмущенно защелкали. — Я — искусственный интеллект! Я даю лишь гипотетические советы, а вы, как существа с так называемой свободой воли, ими руководствуетесь. Так что эта поломка — чисто ваша вина! Юридически я чист!

Виктор тяжело вздохнул, понимая, что спорить с мартышкой — это как пытаться переупрямить марсианский песчаный буран.

— Я согласен с тобой, Илюш, — примирительно сказал Виктор, поднимая руки. — Предлагаю сейчас не расстраиваться по этому поводу, а просто сделать первый шаг в неизвестность. Пока мы сидим на дне этой лесной чаши, нам ничего не видно. Нужно подняться куда-нибудь повыше, на холм или высокое дерево. Обзор увеличится, и там уже будет ясно, как лучше поступить.

— Золотые слова, Виктор! Вот это подход прагматика! Так и поступим! — довольно закивал Илюша, мгновенно забыв про обиду, и ловко перемахнул на плечо инженера, готовый к походу.

Путешественники двинулись вглубь леса, который казался марсианам ожившим кошмаром ботаника. После стерильных, залитых неонем гидропонных ферм Марса здешняя природа ошеломляла, давила и пьянила одновременно. Воздух был настолько густым, влажным и тяжелым от запахов прелой листвы, хвои и сырой земли, что у Ивана кружилась голова. Под ногами хлюпал вековой мох, скрывающий каверзные переплетения массивных корней, об которые то и дело спотыкался непривычный к земной гравитации программист. Настоящим испытанием стали звуки: где-то высоко в кронах пронзительно кричали невидимые птицы, в кустах что-то шуршало, а над ухом противно и назойливо звенела мошкара.

Вскоре голод дал о себе знать с новой силой — желудки ученых скручивало от пустоты. Благо лес оказался щедрым. Иван и Виктор на ходу обрывали гроздь незнакомых темных ягод и срезали пузатые грибы с толстыми ножками. Илюша деловито прыгал по веткам над их головами, то и дело бросая вниз лучи зеленого лазерного сканера.

— Съедобно, жуйте! — командовал он. — А вот эти поганки не трогайте, от них ваши марсианские потроха вывернутся наизнанку быстрее, чем вы выговорите «преобразователь»!

Но лесная идиллия длилась недолго.

Птичий гомон над головами оборвался так резко, словно кто-то повернул тумблер громкости. В наступившей звенящей тишине кусты густого орешника бесшумно раздвинулись. Из глубокой тени, словно соткавшись из самого утреннего тумана, на тропу выступил огромный черный волк. Зверь был исполинским, намного крупнее любого хищника из архивных баз данных будущего. Настоящий переросток. Он выглядел истощенным и свирепым: под ободранной, покрытой репьем шкурой отчетливо ходили ребра, но в его поджаром теле чувствовалась страшная пружинистая сила. Его глаза горели безумным, голодным огнем, а из приоткрытой пасти на жухлую траву капала густая, вязкая слюна. Волк низко опустил массивную голову, и из его груди вырвалось утробное, вибрирующее рычание.

— Илюша, что делать?! — мертвенно бледнея и пятясь, прошептал Иван. Спиной он уперся в шершавую кору.

— Видишь то сучковатое дерево справа? — на удивление быстро и собранно спросил маленький киборг, чьи линзы сузились до размеров игольного ушка.

— Да... — заикаясь и косясь на ближайшее дерево, ответил Ваня.

— Так какого черта ты еще не на нем?! Живо!

Друзья рванули к стволу одновременно, ломая кусты. Волк среагировал мгновенно. Черная молния метнулась наперерез. Хищник прыгнул, стремясь перехватить добычу в воздухе, и оглушительно клацнул зубами всего в каком-то сантиметре от ноги Виктора. Инженер взвыл от ужаса, чудом цепляясь за толстый сук и подтягивая свое тело вверх.

— Господи, что за монстр! — выдохнул Иван, карабкаясь выше по веткам и чувствуя, как внутри всё ходит ходуном от адреналина. — Таких волков просто не бывает! Что нам теперь делать, Илюша?

— Думаю! — мартышка заискрилась, внутренние системы заработали на пределе, просчитывая вариации событий. — Но пока ничего дельного не придумал!

Волк внизу яростно скреб когтями кору, оставляя глубокие борозды, и готовился к новому прыжку. Но довершить атаку ему не дали.

Внезапно из густых зарослей папоротника, словно дикий лесной дух, выскочил подросток. На нем были лишь грубые обноски, а в загорелых, исцарапанных руках сжималось примитивное копьё с тускло поблескивающим наконечником. Парень не просто испугался огромного хищника — он зарычал на волка с такой первобытной, удушающей яростью, будто сам был вожаком этой территории. В его диком взгляде не было и капли сострадания к дрожащим на дереве чужакам: это была не спасательная операция, а его личная охота ради триумфа и выживания.

Волк бросился в атаку — стремительно, как выпущенная черная стрела. Но юнец ушел с линии удара с противоестественной, почти кошачьей грацией. Почва под его босыми ногами едва дрогнула. Зверь развернулся в воздухе, шелкая клыками, но каждый его бешеный выпад наткнулся на глухую защиту. Охотник двигался безупречно: он не просто защищался, он вел танец смерти.

С коротким яростным выдохом парень сделал ложный выпад влево, заставив волка раскрыться, и тут же крутанул древко. Острие с глухим хрустом вошло в плечо хищника. Лес огласился удушливым хрипом. Волк, обезумев от боли, попытался достать мальчишку лапой, но тот ловко присел, пропуская когти над головой, и снизу вверх нанес финальный, сокрушительный удар прямо в подставленное горло. Исполинский хищник рухнул на мох, дернулся всем телом и навсегда закрыл мутные желтые глаза. Вокруг воцарилась тяжелая, звенящая тишина.

Иван и Виктор, тяжело дыша от пережитого ужаса, аккуратно сползли с сучковатого ствола на землю. Колени у обоих тряслись. Они уже собирались сделать шаг вперед и горячо поблагодарить своего неожиданного спасителя, но слова застряли в горле.

Мальчишка даже не думал опускать оружие. Он резко развернулся к марсианам, и его глаза, еще не остывшие от жажды крови, теперь намертво зафиксировались на пришельцах. В этом зверином прищуре не было места жалости. Парню было абсолютно всё равно, кого протыкать копьем — лесного хищника или двух странных чужаков в диковинных одеждах.

Охотник выглядел пугающе сурово для своих лет. Его худое, но невероятно жилистое тело было соткано из одних тугих мышц и сухожилий. Кожу покрывала сетка из старых, побелевших шрамов и свежих, наливающих багровой кровью ушибов. Начисто обритая голова, покрытая слоем дорожной пыли, и жесткий, не по-детски тяжелый взгляд выдавали в нем человека, чье детство закончилось, так и не начавшись. Вся его жизнь была бесконечной, безжалостной войной за выживание. Он перехватил копье двумя руками, готовясь к смертоносному выпад.

Илюша, мгновенно почуввав смертельную опасность, испуганно заверещал, сидя на плечах Ивана. Маленький киборг пулей заметался по веткам, а его лингвистический процессор защелкал на предельной частоте, судорожно перебирая все доступные языки человечества: английский, французский, русский... Парень уже шел в атаку, когда мартышка наконец дошла до древнегреческого.

— О!.. Говорящая обезьяна! — удивленно воскликнул он на чистейшем, певучем языке Гомера. — Кто вы такие? И откуда вы, чужаки, знаете наречие истинных эллинов?

— Приветствую тебя, о славный спартанский воин! — торжественно провозгласил Илюша, задрав нос. Робот постарался придать своему писклявому голосу максимальную помпезность древнего оратора.

— Замолкни! — огрызнулся подросток.

Наконечник его копья снова качнулся в сторону крошечного гида, а в глазах вспыхнул опасный гнев. Прежде чем продолжить, юноша сделал медленный, тягучий шаг вперед. Он начал подозрительно вглядываться в незнакомцев, словно дикий хищник, пытающийся вынюхать чужаков на своей территории. Парень шумно втянул ноздрями воздух, оценивая их запах — от пришельцев пахло озоном, горелым пластиком и стерильностью, совершенно незнакомыми для этого леса. Охотник сузил глаза, сканируя их странную марсианскую одежду, чистую кожу и неестественно мягкие, явно не знавшие тяжелого труда ладони. В его взгляде читалось презрение пополам с настороженностью.

— Я еще не воин, — процедил он сквозь зубы, закончив свой беглый осмотр. — Я не заслужил права называться истинным спартанцем, и в моем поступке нет славы. Честь добывается лишь потом и кровью в настоящем боевом строю!

— Но ты же в одиночку одолел этого монстра! — не выдержал Виктор. Он незаметно коснулся сенсорной панели на своем запястье, перенастраивая встроенный универсальный переводчик на суровое Эллинское наречие. — Ты вышел победителем из неравной схватки и спас наши жизни. Разве это не достойно уважения?

Юноша резко перевел тяжелый взгляд на инженера, снова присматриваясь к непонятному светящемуся прибору на его руке.

— Убить волка — это лишь малый долг, — отрезал он, наконец опуская оружие и принимаясь методично вытирать окровавленный наконечник копья о сочную зеленую траву. — Пока я не принесу тушу отцу, я никто на этой земле. Но кто вы сами такие? — он снова смерил их подозрительным, колючим взглядом. — Выглядите как оборванцы или рабы богов, заблудившиеся в священном лесу эллинов. От вас пахнет чужаками. Если вы послы Зевса, то я отведу вас в Спарту. Мой отец хочет через вас передать ему послание!

В просторном зале, зажатом между суровыми, грубо обтесанными каменными стенами, царил дух глухого консерватизма. Единственным ярким пятном здесь был массивный дубовый стол. Его поверхность буквально ломилась от чужеродных, кричащих даров: изящные амфоры с дорогим привозным вином, переливающиеся на свету тончайшие афинские ткани, стопки плотных свитков и прочие предметы роскоши, принесенные афинянами. На фоне спартанского аскетизма всё это выглядело как яд в чистом колодце.

— Ты, Платон, либо глупец, либо безумец, раз надеешься купить меня этим сладким пойлом! — голос Клеомброта I громовым эхом раскатился под сводами мрачного здания.

Царь Спарты возвышался над столом подобно скале. На нем не было ни золота, ни помпезных доспехов — лишь простой, потемневший от времени багряный плащ-трибон, брошенный поверх грубой шерстяной туники. Из-под коротких рукавов виднелись массивные, покрытые шрамами руки с узловатыми венами. Он уперся огромными, мозолистыми ладонями в дубовую столешницу, буравя философа тяжелым, немигающим взглядом. Спартанский правитель выглядел пугающе монументально даже без оружия: сама его фигура, выкованная годами изнурительных тренировок, была лучшим доспехом.

— Ты притащил в Спарту то, что здесь веками находится под строжайшим запретом, — процедил он. — Не делай вида, будто не знал этого, афинянин! Подобная роскошь развращает душу воина, делает её мягкой и трусливой. А эти твои бумажки — Клеомброт брезгливо, словно к ядовитой змее, прикоснулся кончиком пальца к свиткам, — они лишь затуманивают разум. Они заставляют человека сомневаться и рассуждать там, где нужно беспрекословно действовать!

— О великий царь, я прекрасно — мягко начал было Платон, сохраняя на лице вежливую улыбку мудреца, но Клеомброт оборвал его резким, рубящим взмахом руки.

— Не смей называть меня так! Великим может считаться лишь тот правитель, чей народ по-настоящему свободен! Спартанцы — свободные воины, а не стадо рабов Зевса, готовых бездумно исполнять любую прихоть этого высокомерного тирана!

Платон покорно склонил седую голову, ни на секунду не теряя своего знаменитого философского спокойствия. Его умные глаза внимательно изучали разгневанного правителя.

— Прости мне мою оплошность, царь, — ровным голосом произнес мыслитель. — Но среди всех греческих вождей ты, без сомнения, самый дальновидный. Я лишь пытаюсь подобрать земные слова, способные передать хотя бы крупицу твоего истинного величия.

— Оставь свои похвалы для кого-нибудь другого, я в них не нуждаюсь, — Клеомброт оборвал его жестким, нетерпеливым жестом. Он выпрямился во весь рост, и в его глазах блеснул опасный, фанатичный огонь. — Мне не нужны свитки и вино. Мне нужно лишь то, чем я жажду обладать больше всего на свете.

— Что же тебе нужно, о царь? — Платон заметно занервничал, его пальцы судорожно перебрали край изящного гиматия. — Чем я, обычный старик, умеющий лишь рассуждать и философствовать, могу помочь тому, кто твердой рукой управляет самой грозной силой в Элладе?

Клеомброт I не ответил сразу. Он медленно, словно хищник перед броском, наклонился над мыслителем. Расстояние между ними сократилось настолько, что афинянин почувствовал жар, исходивший от массивного тела правителя. В глазах спартанского владыки вспыхнул такой яростный, фанатичный огонь, что старик невольно отшатнулся, едва не задев стол с дарами. Его прошиб холодный пот: он не понимал причин столь внезапной, пугающей одержимости собеседника.

— До меня дошли слухи, — вкрадчиво, почти шепотом начал Клеомброт, и от этого тихого тона по спине философа пробежали мурашки, — что в далеких восточных землях, на загадочной родине индийцев, живут мудрецы, владеющие тайным, запретным знанием. Доносчики утверждают, будто они смешали порошок, способный одним шелчком сокрушить вековую скалу. Ты странствовал по миру и много слышал, Платон. Скажи мне, насколько это может быть правдой?

— Я... я тоже слышал об этом, царь, — выдохнул испуганный философ, пытаясь вернуть самообладание. — Своими глазами я видел в Афинах, как надменные персидские торговцы хвастались забавами на пирах. Они набивали полые бамбуковые трубки какой-то вонючей черной пылью и поджигали её. Но уверяю тебя, Клеомброт, — эта игрушка способна лишь издать громкий хлопок и напугать дикого зверя в ночи! Она не нанесет урона крепкому храброму воину и уж тем более не расколется скалу на двое. Подобная разрушительная мощь подвластна лишь богам, с которыми нам, смертным, никогда не сравниться.

Платон вплотную подошел к царю, отбросив церемонии, и умоляюще заглянул в его безумные глаза:

— Заклинаю тебя, отбрось эти черные мысли! Олимп следит за нами. Если всевидящий Зевс узнает, что ты ищешь секрет его священных молний, его кара будет мгновенной и страшной. От нас не останется даже пепла! Зачем тебе сила, рушащая горы? Ты и сам грозен, вся Эллада трепещет перед твоим именем, а твой народ беспрекословно исполняют твою волю. Боги благосклонны к Спарте, пока вы покорно чтите их законы и приносите дары. Зачем искушать судьбу и гневить Олимп, когда у тебя и так есть всё, о чем может мечтать правитель?

— Я не спрашивал твоего мнения, — ледяным тоном отрезал Клеомброт, и его тяжелая ладонь опустилась на дубовый стол. — Я задал тебе прямой вопрос. Возможно ли создать из этого черного порошка силу, способную сокрушать камни?

— Сложно сказать наверняка, царь, — Платон глубоко вздохнул, стараясь говорить прямо и лаконично, как и было принято в Спарте. — Чтобы дать точный ответ, нужно пробовать, сопоставлять и искать. Возможно, если алхимикам удастся найти верную пропорцию и меру тех веществ... Но я всё еще сильно сомневаюсь, что разрушительная мощь будет столь сокрушительной, как ты желаешь.

Царь нахмурился, его густые брови сошлись у переносицы. Он погрузился в тяжелое, гнетущее молчание, мысленно переваривая услышанное.

— Значит, это всё-таки возможно? — глухо переспросил он, глядя куда-то сквозь философа.

— О царь, видя невероятные деяния богов, я уже ни в чем не смею сомневаться, — Платон развел руками. — В этом подлунном мире возможно абсолютно всё, если воля человека достаточно крепка.

— Хм... — Клеомброт хищно усмехнулся, и на его суровом лице проступили жесткие складки. — Значит, чтобы получить такое оружие, мне не нужно отправлять армию на восток.

Я должен просто найти того, кто уже владеет этим знанием. Я запру его в Спарте, дам ему всё необходимое и взращу урожай, который наконец исполнит мою давнюю мечту.

— Какую мечту, Клеомброт? — тихо спросил Платон, чувствуя, как от масштаба замыслов этого человека у него холодеет внутри.

— Тебе знать об этом не обязательно, старик, — оборвал его царь.

В этот момент снаружи, из длинного коридора, слышались тяжелые, мерные шаги по голому камню. В широком дверном проеме вырос силуэт рослого спартанского воина. Его грудь тяжело вздымалась, а на бледной от волнения коже поблескивали капли пота. Он замер в струнку, приветствуя правителя.

— Царь! Твой сын вернулся из священного леса с богатой добычей, — доложил он, и его голос слегка дрогнул. — Он привел двоих странников в диковинных одеждах... Парень говорит, они — послы самого Зевса, которые сбились с пути.

— Вот как? Послы Громовержца? — Клеомброт хищно прищурился, и в его глазах вспыхнул торжествующий, безумный огонь. Он медленно повернулся к побледневшему Платону. — Веди их сюда, страж. Я сегодня приму всех гостей.

Подросток с глухим рыком рванул с земли тяжелую, сочащуюся кровью тушу волка, привычным и отточенным движением взвалил её на жилистые плечи и уверенно зашагал в сторону Спарты, увлекая за собой ошеломленных «послов Зевса». Несмотря на огромный вес зверя, шаг юноши оставался твердым и быстрым, а босые ступни глубоко отпечатывались во влажном мху.

— Как тебя зовут, будущий воин? — спросил Виктор. Перепрыгивая через поваленный ствол, он тяжело дышал и изо всех сил старался не отставать от стремительного проводника.

— Моё имя на этой земле пока не имеет никакого значения, — сухо, не оборачиваясь, бросил юноша. — Называйте меня как хотите, я пойму, что обращаются ко мне.

— Вот как? Хм... — Виктор на ходу переглянулся с Иваном, который едва волочил ноги от усталости. — А почему ты так твердо решил, что мы — именно послы Зевса?

Юноша резко замер на крутом склоне и медленно обернулся. Он окинул ученых долгим, безразличным взглядом сверху вниз, будто рассматривал странных насекомых.

— По вам это сразу видно, — процедил он, а его ноздри хищно раздулись. — Слишком ухоженные. Слишком здоровые... Вы словно комнатные растения, которые бережно выращивали в избытке чистой воды и тепла. Я таких неженков, прячущихся на ветках от первого встречного волка, за версту чую. Ваши глаза слишком добрые, чистые и наивные, в них нет звериной жестокости и жажды жизни. Вы и понятия не имеете, что значит зубами прогрызать себе право жить там, где все остальныедохнут.

— Слыхал, как он вас припечатал? — ехидно прошептал Илюша, свесившись с плеча Виктора и щелкая линзами. — А вы еще жалуетесь на меня, что я слишком груб с вами! Этот малец меня в сто раз переплюнул!

Виктор проигнорировал смешок мартышки и сделал шаг к замершему парню, искренне пытаясь понять его мотивы:

— Юноша, ты так резок с нами только потому, что...

— О, простите великодушно, ваше благородие! — внезапно прорычал подросток. От ярости он дернул плечом, едва не выронив скользкую тушу волка. — Неужели я так сильно задел ваши нежные чувства? Что ж, выходит, вы слабы не только мягким телом, но и духом! Мой отец абсолютно прав: излишества губят человеческую душу, превращая людей в ленивых, высокомерных тиранов, подобных вашему проклятому Зевсу!

Юноша поудобнее перехватил тяжелую, уже начавшую остывать тушу на плече, а его ладонь, покрытая свежими мозолями, привычно сжала отполированное древко копья.

Илюша, обладавший чутким электронным зрением, не упустил этого движения. Линзы маленькой обезьянки со щелчком сфокусировались на потемневшем от пота и крови дереве оружия. Сканер мартышки мгновенно выхватил среди зазубрин глубокую, вырезанную уверенной рукой гравировку, складывающуюся в имя: «Клеомен».

— Тебя зовут Клеомен? Ты сын царя Клеомброта? — вкрадчиво подал голос Илюша, хитро сощурив мерцающие датчики.

Подросток на мгновение сбился с шага, но тут же выровнял дыхание и сухо бросил через плечо:

— Может, и так. И что с того?

Илюша картинно развел лапками, устроившись на рюкзаке Виктора.

— Просто в тебе уже видны задатки великого правителя. Если донесешь эту добычу отцу сам, без чужой помощи, то сделаешь шаг к тому, чтобы занять место его правой руки в строю.

Клеомен резко замолчал, сжав челюсти так, что на скулах заиграли желваки. Он молча перехватил волка поудобнее и прибавил шаг, устремляясь вперед по каменистой тропе. Юноша явно корил себя за недавнюю вспышку гнева — минутную слабость, абсолютно непозволительную для будущего царя Спарты.

— Илюш, как ты догадался? — шепнул Иван, наклоняясь к мартышке и стараясь, чтобы их проводник ничего не услышал.

— Элементарно, мой дорогой друг, — самодовольно пискнул робот-зверёк, подмигнув программисту. — Мои архивные базы данных говорят, что имя Клеомен в эту эпоху — царская привилегия династии Агиадов. Называть так ребенка обычного воина или илота было бы непозволительной дерзостью, за которую в Лаконии быстро укорачивают на голову.

Они уже подходили к Спарте, чьи приземистые, мрачные каменные постройки начали проступать сквозь редеющие деревья. Клеомен к этому моменту едва переставлял исцарапанные ноги. Его дыхание стало тяжелым, свистящим и хриплым, лицо покрылось каплями пота, смешанного с лесной грязью, но он не опустил добычу ни на мгновение. Спартанская гордость намертво держала его хребет.

— Может... помочь? — осторожно спросил Виктор, искренне сочувствуя изнемогающему парню и делая шаг вперед.

— Нет! — как отрезал, выплюнул юноша, даже не повернув головы. Из его груди вырвался тяжелый, kloкочущий вздох. — Если отец узнает, что я принял помощь от изнеженных рабов Зевса, он моим же собственным копьем проткнет меня насквозь прямо на пороге дома. И будет абсолютно прав.

На въезде в поселение их встретила немногословная стража. Спартанцы выглядели как ожившие каменные изваяния — суровые, молчаливые, с тяжелыми щитами. Один из воинов, коротко переглянувшись с Клеоменом, тут же развернулся и отправился доложить царю.

Иван с глубоким недоумением озирался по сторонам. Он ожидал увидеть величественные башни, цитадели или хотя бы высокие частоколы, но вокруг громоздились лишь ряды простых, приземистых хижин из необожженного кирпича и дерева.

— Ого... — разочарованно протянул программист, понизив голос. — А где стены? Где хоть какие-то оборонительные укрепления? Это точно столица?

— Настоящие стены спартамцам не нужны, мой дорогой наивный марсианин, — наставительно произнес Илюша, поудобнее устраиваясь на плече Виктора. — Изречение местных мудрецов гласит: спартанские воины сами по себе — лучшие и самые крепкие стены в мире. Поселение окружено не камнем, а живым строем фаланги.

Клеомен, шедший чуть впереди, промолчал, хотя его ухо уловило слова обезьянки. Он продолжал упрямо шагать, удерживая тяжелую тушу волка на кровоточащих плечах из послед-

них, иссякающих сил. Юноша не позволил бы себе сбросить добычу на землю раньше времени, даже если бы у него сломался позвоночник.

Наконец их провели в главный зал.

Царь Клеомброт I ждал их в самом центре, застыв подобно монументу под мрачными каменными сводами. Рядом с ним, кутаясь в изящный гиматий, стоял притихший Платон. Царь смотрел исключительно на своего сына — мальчишку, который ушел в дикий лес почти нагим, имея в руках лишь примитивное копье, а вернулся истинным триумфатором.

Сделав последний шаг, Клеомен с глухим, тяжелым стуком бросил безжизненного волка к ногам отца. Пыль и брызги свернувшейся крови разлетелись по каменным плитам. Обессиленный юноша мгновенно выпрямился во весь рост и гордо задрал подбородок, глядя прямо в глаза правителю. В его теле не осталось сил, но в осанке сквозила абсолютная, несокрушимая гордость.

— А почему он не кланяется? — испуганно шепнул Иван, дергая за хвост Илюшу. — В старых фильмах все подданные сразу падают на колени перед царями.

— Забудь ты про свои марсианские фильмы, Ваня! — так же тихо, сквозь зубы ответил Илюша, заметив, как Иван уже начал сгибаться в пояснице. — В Элладе встать на колено — значит признать себя жалким рабом. Для спартанца это высшее, несмываемое унижение. Стой прямо, расправь плечи и даже не вздумай кланяться! Иначе тебя здесь сразу зачмырят и разговаривать не станут. Показывай характер, Ваня.

Царь медленно подошел к огромному волку, брезгливо перевернул массивную голову зверя носком кожаной сандалии, оценивая рану на горле, а затем перевел тяжелый взгляд на сына.

— Ты действительно сам одолел этого зверя и донес его сюда без помощи этих — Клеомброт I сделал паузу, с глубоким презрением окинув глазами Виктора и Ивана, — ... неженок?

— Да, отец! — Клеомен вытянулся еще сильнее, несмотря на дрожь в перегруженных мышцах. — Я лично пронзил хищника копьем и нес его на плечах до самого порога Спарты!

— Это абсолютная правда, царь, — твердо подал голос Виктор, чтобы переключить внимание правителя на себя. — Твой сын в одиночку спас нас от хищника, который едва не перегрыз нам глотки. А после он наотрез отказался от любой нашей помощи. Сказал, что это его личное испытание, которое он обязан пройти сам.

Клеомброт I медленно, точно тяжелое осадное орудие, отвернулся от сына и вплотную подошел к Виктору.

— Ты и правда своей холеной внешностью и этой дурацкой манерой совать нос в чужие дела напоминаешь высокомерных олимпийцев, — глухо прорычал он прямо в лицо инженеру. — Что вам, проклятым небожителям, никак не сидится в своих теплых, залитых светом чертогах? Зевс еще не устал слать своих послушных рабов с бесконечными поручениями? Ну, говори! Что на этот раз нужно его напыщенному «благородию»? Чтобы я со своими фалангами разорил Фивы, которые посмели отказаться платить ему дань? И всё это ради его фальшивой милости? А ты спросил у своего господина — харя у него там, на Олимпе, не треснет?!

Царь буквально навис над Виктором, его грудь под шерстяной туникой яростно вздымалась, а голос вибрировал от копившейся годами ненависти. Чуть поодаль Платон испуганно побледнел и схватился за сердце, ожидая, что прямо сейчас с небес прилетит карающая плазменная молния Громовержца за такие слова. Но Клеомброта было не остановить.

— Совсем страх потерял ваш Зевс! — Клеомброт I перешел на яростный шепот, от которого у Ивана поползли мурашки по спине. — При моем деде Зевс вел себя куда скромнее, а теперь ему подавай всё и сразу! Хочет, чтобы мы, греки, перерезали друг другу глотки ради его коварной прихоти? Он пытается ослабить наш спартанский дух, потому что боится! Боится,

гад, что однажды мы станем достаточно сильны, чтобы подняться на его гору и сокрушить его самого!

Иван, стоявший чуть позади и едва сдерживающий дрожь в коленях, незаметно коснулся зуба, активируя скрытый под кожей микрофон.

— Ого... Вить, это можно считать тем самым знаменитым «лаконичным вопросом»? — испуганно шепнул он другу через закрытый нейропередатчик, доступный только их марсианской банде.

— Видимо, у царя так накипело, — отозвался Виктор по закрытой связи, едва заметно поводя ушами, — что это был самый короткий и емкий для него способ высказать всё, что он думает о Громовержце. Лаконичность как она есть.

— Или Зевсу там, на Олимпе, совсем скучно стало?! Эмоций ему, видишь ли, человеческих не хватает?! — продолжал греметь Клеомброт I, расхаживая перед марсианами и яростно жестикулируя. — Пусть спускается сюда, ко мне в Спарту! Я с ним лично потолкую, как мужчина с женщиной. Дам ему таких эмоций на тысячи лет вперед, что до конца веков не забудет: заставлю полы драить и царские конюшни до блеска чистить! А после пошлю его к нашим кузнецам, чтобы он на своей шкуре понял, как тяжело ковать железные пластины, которые он заказывает у нас каждый год!

Царь внезапно замолчал. Он резко развернулся на пятках и снова впился мертвой хваткой взгляда в лицо Виктора. Его глаза стали острыми и холодными, как наконечник спартанского копья.

— Ты смотришь на меня так, будто ни слова не понимаешь из того, что я говорю, — прищурился Клеомброт, и в его голосе проскользнуло подозрение. — Будто ты явился сюда не с Олимпа, а вообще с какой-то другой, чужой планеты... Клеомен! — гаркнул правитель, не оборачиваясь к сыну. — С чего ты вообще взял, что эти двое — послы Зевса?

— Они выглядят точь-в-точь как те слуги богов, что приходили в Лаконию прошлым летом, отец, — твердо ответил юноша, хотя его голос слегка дрогнул. — Такие же гладкие одежды, такие же непонятные приборы на запястьях.

Клеомброт проигнорировал оправдания сына. Он сделал быстрый шаг в сторону и резко перевел свой тяжелый, налитый кровью взгляд на Ивана. В этом взгляде читалась первобытная, недвусмысленная жажда крови. Царь Спарты медленно потянулся рукой к поясу, где на кожаном ремне покоился короткий обоюдоострый меч-ксифос.

— А теперь ты говори, чужак, — процедил царь прямо в бледное лицо программиста. — Кто вы такие на самом деле? Только попробуй мне соврать — я ложь за версту чую. Мигом пережему тебе глотку прямо на этих плитах, и никакой Зевс тебя не спасет!

Иван судорожно сглотнул. Перед глазами всё поплыло, марсианские технологии в его голове отключились, уступив место животному ужасу перед разъяренным фанатиком. Под таким чудовищным психологическим прессом его растерявшийся мозг просто выдал первое, что было в сознании — чистую правду, не успев сгенерировать даже самую простую ложь.

— Мы с Марса!.. Из будущего прилетели! — в панике выпалил Иван, зажмурившись и выставив вперед трясущиеся руки.

Зал погрузился в мертвую, звенящую тишину. Платон, стоявший у стола, удивленно моргнул, пытаясь осмыслить слова юноши. Царь Спарты замер на месте, словно превратился в каменное изваяние. Несколько бесконечных секунд он тяжело дышал, переваривая услышанную бессмыслицу и переводя взгляд с безумных глаз Ивана на побледневшего Виктора.

А затем Клеомброт I запрокинул голову назад и оглушительно, раскатисто расхохотался. Этот дикий, громоподобный хохот спартанского вождя эхом запрыгал под темными каменными сводами зала. Царь искренне верил, что чужак просто сошел с ума от страха за свою жизнь.

— Платон! Ты слышал, какую глупость этот чудак сморозил со страху? — Клеомброт I утер выступившие от смеха слезы и снова впился глазами в Ивана, мгновенно посерьёзнев. Он пытался понять: настоящий ли безумец стоит перед ним или просто чертовски искусный, изворотливый лжец. — Как считаешь, Платон? Есть ли в его безумных словах хоть капля правды? Или этот заморыш просто издевается перед лицом смерти?

— Хм! Житель далекой красной звезды, прилетевший сквозь века повидать своих далеких предков? Звучит весьма поэтично и любопытно, — Платон скептически прищурился, оглаживая ухоженную седую бороду и медленно обходя пришельцев по кругу. — Но я бы на твоём месте не стал им верить, о царь. На своём веку в странствиях я встречал немало чудачков. Одни с пеной у рта твердили, будто наша Земля — это круглый шар, который несется сквозь пустоту космоса и вращается вокруг Солнца. Другие клялись, что небо над нашими головами держит на своих каменных плечах могучий Атлант. Людская фантазия не знает границ, когда человеку грозит опасность.

— Ха-ха! Верно говоришь, старик! — Клеомброт I громко рассмеялся, хлопнув себя по массивному бедру. — И что ты прикажешь мне делать с этими сказочниками, философ? Как проверить их рассказы? Не рубить же им головы сразу, не разобравшись?

— Проверить их очень просто, о царь, — Платон остановился прямо перед бледным Иваном, хитро прищурив умные глаза. — Ты — правитель Спарты, значимая и монументальная фигура в истории Эллады. Если эти странные чужеземцы действительно явились к нам из далекого будущего, то они обязаны знать о тебе и твоей судьбе то, что сейчас неизвестно ни одному смертному на этой земле. Пусть назовут о тебе то, что никто не знает, кроме тебя, но что в будущем станет известно всему миру на все времена.

Иван с ужасом переглянулся с Виктором. Внутри у программиста всё похолодело. Что сказать этому свирепому фанатику? Что Спарта проиграет битву при Левктрах, её величие рухнет, а сам царь погибнет? Да он их на куски изрубит прямо здесь!

Атмосферу панического тупика внезапно прорезал звонкий, механический голос Илюши.

— Я смотрю, у тебя, старик, совсем крыша поехала — несешь тут полную ересь! — беззастенчиво выпалил Илюша, свесившись с плеча Виктора и сердито шелкая оптическими линзами прямо в лицо великому философу.

— О!.. Говорящая обезьяна! Как забавно! — Клеомброт I широко, хищно улыбнулся, обнажив зубы, в то время как несчастный Платон от неожиданности замер в немом, глубочайшем изумлении, судорожно хватая ртом воздух и указывая на маленькую мартышку дрожащим пальцем.

— Откуда Ивану знать хоть крупицу того, что происходило здесь три тысячи лет назад? — продолжал Илья, грозно сверкая линзами. — Этот парнишка порой не помнит, что ел вчера на завтрак, а историческими архивами не интересовался вовсе! Но вам крупно повезло, греки! Ой, я хотел сказать - эллины: я знаю о вашем прошлом абсолютно всё. Вы уж простите, царь, за мою прямоту, но почему-то хроники нашего времени про твои личные подвиги умалчивают. Известно лишь, что ты был царем, и всё. Скорее всего, твои враги или завистливые боги Олимпа из вредности сотрут твоё величие с лица земли, переписав историю под себя. А вот о тебе, старик, — мартышка ткнула пальцем в сторону опешившего Платона, — о твоих безумных размышлениях нам известно абсолютно всё. Твои труды дошли до нашего времени вплоть до последнего слова и буквы! Ну же, задавай свои вопросы, мыслитель. Я напрямую процессоры и выдам ответ, который в секунду развеет все твои сомнения!

Следующие десять минут превратились в настоящую интеллектуальную дуэль. Платон, оправившись от шока при виде говорящей мартышки, буквально пытал путешественников вопросами. Философ сыпал каверзными загадками о законах Ликурга, требовал продолжить неизданные тезисы своего учителя Сократа, спрашивал о тайных политических союзах Афин

и геометрии Пифагора. И на каждый вопрос Илюша, победоносно шелкая процессором, выдавал мгновенный, пугающе точный ответ из марсианских архивных баз данных.

В конце концов даже суровый царь был вынужден признать: эти чужаки и их механический питомец действительно обладают знанием, которое под силу лишь пришельцам из далекого грядущего.

— Так вы и в самом деле явились из будущего! — Клеомброт I внезапно просиял, и его суровое лицо разгладилось.

Он с силой хлопнул в ладоши, отчего Платон невольно вздрогнул. Царь выглядел так, будто только что нашел величайшее сокровище во Вселенной. Иван и Виктор, до этого стоявшие ни живы, ни мертвы, наконец смогли сделать первый нормальный вдох. Адреналиновый спад отозвался слабостью в коленях.

— Что же вы сразу не сказали, друзья? К чему весь этот цирк с послами Зевса? — громкогласно рассмеялся спартанский правитель. — Стража! Живо накрыть стол для наших дорогих гостей! Принесите лучшего мяса и чистой воды. Подготовьте для них лучшие кровати в гостевых покоях. Нам предстоит очень долгий и важный разговор, друзья мои. У меня к вашему будущему накопилось слишком много вопросов. Хотя по-настоящему меня волнует лишь один-единственный, но об этом позже. Сначала я, как гостеприимный хозяин, обязан накормить дорогих гостей, прибывших из далекого будущего.

Неожиданное радушие царя пугало Ивана больше, чем его недавний яростный взгляд. Они трапезничали, запивая еду крепким вином. Герои пытались отказываться от алкоголя, но Клеомброт настойчиво требовал пить. Опасаясь гнева свирепого правителя, ученые хлестали хмельное пойло, прекрасно понимая: их пытаются спойть. Сам царь пил лишь сильно разбавленное вино — он считал, что чистый хмель одурманивает воина и позорно развязывает язык.

Когда ночь полностью вступила в свои права, Клеомброт велел Виктору с его мартышкой идти отдыхать, а захмелевшего Ивана попросил остаться.

Иван нервничал так, что рубашка прилипла к спине. Под столом он судорожно сжимал кулаки, пытаясь поддерживать связь с Илюшей через скрытый нейропередатчик и отчаянно надеясь на его спасительные подсказки. Но Клеомброт I не был дураком. Заметив, как парень то и дело косится в пустоту и трогает ухо, царь резким, пугающе точным движением протянул руку и сорвал крошечное устройство прямо с его виска.

Царь вальяжно сел обратно за стол, с интересом вертя в грубых, покрытых мозолями пальцах хрупкое чудо техники из далекого будущего.

— Осторожно! Пожалуйста, не сломайте! — вскрикнул Иван, мгновенно бледнея и подаваясь вперед.

Без этой маленькой штучки он оставался абсолютно отрезанный от связи с Илюшей. К счастью, скрытые устройства перевода — имплант в ухе и микрофон-передатчик, встроенный прямо в зуб, — все еще оставались при нем. Так что вести беседу и понимать спартанского царя Иван по-прежнему мог.

— Эта игрушка так тебе дорога? — хмыкнул царь, подбросив прибор на ладони. — Я видел как некоторые олимпийцы носят такие же! Именно поэтому мой сын и принял вас за послов Громовержца. Но теперь я своими глазами вижу — вы из совсем другого, чужого мира. Скажи мне правду, парень... Неужели эти олимпийцы будут править нашей землей вечно?

— Ну... как вам сказать, — Иван судорожно сглотнул, пытаясь унять дрожь в голосе. — В нашем будущем, на планете Марс, действительно есть гора Олимп. Вокруг неё расположилась вся наша цивилизация, и её жителей у нас называют олимпийцами.

— Значит, эти твари всё-таки покорили землю, а потом добрались и до самого Марса? — глухо прорычал Клеомброт, и его пальцы сжались на марсианском передатчике с такой силой, что пластик жалобно затрещал. — Раз они хотят полностью стереть моё имя из хроник буду-

щего, я первый сотру их сытые жизни! Я сделаю так, что слово «олимпийцы» станет лишь блеклым мифом об их былом величии! А теперь, мой друг, рассказывай: что тебе известно о восточном порошке, который способен взрываться и крушить скалы?

— Вы... вы о порохе, что ли? — окончательно растерялся Иван, у которого от хмеля и страха мысли путались в тугой узел.

— Ты понимаешь, о чем я говорю! — Клеомброт буквально просиял, и в его глазах вспыхнула дикая, торжествующая радость.

— Нет! — Иван уверенно мотнул косматой головой, отчаянно прикидываясь круглым дурачком. — Я понятия не имею, что это такое! Я простой программист, я коды пишу, а не порох изготавливаю!

Клеомброт I внимательно взгляделся в расширенные от ужаса зрачки Ивана. Видя этот первобытный, парализующий страх в глазах парня, царь понял, что перегнул палку. Запуганный до смерти марсианин скорее умрет от разрыва сердца, чем выдаст нужные формулы. Спартанец хищно прищурился и решил мгновенно сменить тактику — смягчить общение, спрятать когти и притвориться добрым покровителем, чтобы аккуратно заслужить доверие уязвимого ученого.

— Понимаешь, в чём главная беда... — тон царя внезапно изменился, став мягким, доверительным и почти печальным. Он сокрушенно опустил массивные плечи. — Соседними Фивами сейчас правит Эпаминонд. Этот выскочка постоянно устраивает для своего народа пышные праздники, взрывая в ночном небе невиданные яркие огни. Его имя элины запомнят на многие тысячелетия! А моё имя... моё просто забудут. Но я ведь не тиран. Я искренне хочу, чтобы меня помнили как правителя, принесшего своему народу процветание и счастье. Я жажду изменить этот застывший уклад Спарты, сделать её великой, культурной, похожей на утонченные Афины! Но чтобы сломать старые законы, мне нужно создать грандиозное зрелище, которое люди уже никогда не смогут забыть. Нет ничего страшнее для царя, чем умереть в неизвестности... Ведь такое огненное событие запомнят навсегда, верно, Иван?

— Я... я понимаю вас, — тихо выдохнул Иван.

Хмель окончательно размягчил его бдительность, и программист почувствовал внезапную, искреннюю жалость к этому одинокому, как ему показалось, правителю. Тщеславие Ивана, на котором на Марсе так легко играл министр Анатолий, среагировало на похожие ноты. Иван ощутил себя причастным к великой тайне.

— Но я действительно не знаю состава пороха, царь, — уже тише и доверчивее продолжил ученый. — В нашем мире эти секреты доверяют только избранным военным инженерам...

Клеомброт нахмурился, с тяжелым вздохом поворачиваясь к чадающему факелу и глядя на танцующие языки пламени.

— Понимаешь, мои кузнецы и алхимики уже пытались втайне смешивать подземную серу и древесный уголь, — как бы между прочим, с досадой обронил Клеомброт I. — Но никакого взрыва и огня не вышло. Эта проклятая смесь просто жутко дымилась, шипела и воняла на всю кузницу...

— Так вы же селитру забыли добавить! — всплеснул руками Иван, искренне желая помочь «несчастному» царю. — Без неё окисления не будет, вот оно и... Ой!

Иван осекся на полуслове. Хмель в секунду выветрился из головы, уступив место ледящему душу ужасу. Он в панике зажал рот ладонью, но роковое слово уже сорвалось с губ и повисло в полумраке зала.

Клеомброт I медленно расплылся в довольной, хищной улыбке. В его глазах, где только что сияла притворная печаль, вспыхнуло абсолютное, жестокое торжество волка, загнавшего добычу.

— Значит, ты всё-таки знаешь секрет этого чудо-порошка, — тихо, с наслаждением произнес царь, поднимаясь во весь рост и снова превращаясь в каменную глыбу. — Селитра, говоришь...

Иван почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Ловушка захлопнулась с глухим стуком. Спартанский царь не зря унижался, картинно изливая душу и втираясь в доверие к пьяному чужаку. Это был чистый, холодный расчет. Теперь у Клеомброта был тот, кто создаст ему самое разрушительное оружие в истории.

— Ну что же, Иван! — царь с леденящим торжеством протянул руку и небрежно бросил марсианский нейропередатчик обратно на стол перед программистом. — Иди к своим, отдохай. Завтра у вас троих начнется очень тяжелый день. День, когда вы своими руками начнете создавать то, что навсегда изменит наш мир. Улыбка Клеомброта I была настолько хищной, что у Ивана внутри всё окончательно похолодело.

Едва программист на не слушающихся ногах переступил порог выделенных им мрачных покоев, к нему пулей подскочил Илюша.

— Ванька, ты меня не на шутку напугал! — возмущенно застрекотал робот-зверёк, сердито щелкая линзами. — Зачем ты отключил связь? Мой процессор чуть не закоротило от неизвестности!

— У нас огромная беда... — Иван бессильно опустился на край грубой деревянной постели и обхватил голову руками. Хмель окончательно испарился, оставив лишь липкий страх. — Я попался на его уловку. Я проговорился, что знаю секрет пороха. Назвал селитру... Царь теперь нас отсюда ни за что не выпустит. Он заставит нас наделать ему целые горы этой взрывчатки.

— Да зачем ему вообще сдался этот порох? — искренне удивился Виктор, отходя от узкого окна-бойницы. — Зачем спартамцам взрывчатка?

— Это же очевидно, Витя, — Илюша прыгнул на стол и мрачно сверкнул оптическими линзами. — Наш суровый хозяин хочет тотально доминировать во всей Греции.

— Но Спарта и так сейчас на самой вершине влияния! — покачал головой инженер.

— Не совсем, — вмешался Иван, поднимая бледное лицо. — «Олимпийцы»... Помните, Клеомброт постоянно их проклинает? Так он называет местную верхушку технократов, которые безжалостно манипулируют земными народами, запершись на своей горе Олимп. Они душат все полисы неподъемной данью и технологическим контролем. Спарта и Фивы — единственные во всей Элладе, кто еще открыто перечит Зевсу, пока остальные трусливо поджали хвосты.

— Теперь картина наконец-то проясняется, — тяжело вздохнул Виктор, прислонившись к каменной стене. — Вот почему официальная история будущего стерла имя Клеомброта I. Я уже прямо сейчас вижу, как его показательно уничтожают эти так называемые «боги» за попытку бунта, а в хрониках для потомков цинично напишут, что великий царь просто скончался от банальной простуды.

— Вообще-то, если быть исторически точными, — тихо подал голос Илья, усаживаясь на корточки и почесывая металлическое ухо, — в нашей официальной марсианской хронологии Клеомброта I погиб 6 июля 371 года до нашей эры в знаменитой битве при Левктрах. И только попробуйте, ради всего святого, сказать ему об этом! Если этот фанатик прямо сейчас узнает, что его хваленую спартанскую фалангу в пух и прах разобьет фиванский полководец Эпаминонд своей революционной тактикой «косого клина», он просто сойдет с ума от ярости и перебьет нас на месте!

— И что нам теперь делать? — едва слышно прошептал Иван, глядя на друзей полными отчаяния глазами. — Мы в ловушке.

— Всё очень просто, — Илюша до минимума понизил громкость внешних динамиков, переходя на заговорщический шепот. — Мы временно примем его правила игры. Мы притворимся его самыми преданными, верными и фанатичными союзниками из грядущего. Пусть Клеомброт свято поверит в нашу лояльность и в то, что мы куем ему победу над Олимпом. А при первой же удобной возможности — делаем ноги и валим отсюда на максимальной скорости. Нельзя допустить, чтобы секрет пороха попал в руки столь одержимого безумца.

Вдруг из глубокой тени у порога раздался суровый, бесстрастный голос:

— Царь Клеомброт велел вам немедленно ложиться спать. Вам необходимо набраться сил перед завтрашним днем.

В проеме стоял спартанский воин. Он был одет предельно скромно — в простой шерстяной плащ, а на его кожаном поясе покоился лишь короткий меч-ксифос. Парни молча кивнули, давая понять, что услышали приказ. Однако часовой не сделал назад ни единого шага. Он застыл в дверях, словно каменная статуя, буравя чужаков тяжелым, немигающим взглядом. Иван и Виктор под его суровым взглядом нервно сглотнули и принялись спешно уstraиваться на ночлег.

Но Илюша мириться со спартанскими условиями не собирался. Маленькая обезьянка сердито заворчала и завертела оптическими линзами, оценивая обстановку.

— И как ты мне прикажешь спать в этом склепе? — возмущенно пискнул киборг, сердито топая крошечной лапой по столу. — Здесь же холодрыга и нет ни единого источника тепла! Я требую предоставить мне теплый очаг, от которого мои батареи смогут нормально зарядиться за ночь!

— А не многого ли ты просишь, говорящая мартышка? — с тщательно скрываемой, горькой завистью процедил воин, косясь на постель. — Довольствуйся тем, что дают. Тебе вон какое теплое шерстяное одеяло выделили, я таких в своей жизни ни разу не видывал!

— Слышь, ты, воин! — Илюша картинно упер лапки в бока и воинственно вздернул нос, ни капли не испугавшись грозного стража. — Ты вообще на кого тут огрызаешься? Меня в эти покои сам царь определил! Он лично выделил нам эту комнату и распорядился дать лучшее постельное белье! И я требую к себе соответствующего уважения. Заруби на своем спартанском носу: среди всей этой вашей банды я сейчас — самая важная персона! От меня напрямую зависит, будет ли завтра царь Клеомброт счастливо улыбаться или сойдет с ума от ярости, когда не получит то, что хочет. И если завтра утром он спросит меня, в чем причина провала, я прямо ему в лицо скажу: мол, вот этот самый воин наотрез отказался обеспечить нас необходимым теплом! И уж поверь мне на слово, кожаный, тогда ты от него огребешь по полной программе!

Спартанец на секунду замешкался, переваривая дерзкую тираду робота-зверька. На его суровом лице отразилась нелегкая внутренняя борьба. Но спартанская дисциплина всё же взяла верх. Он смерил мартышку ледяным взглядом и отрезал:

— Царь не велел вам печь ставить. Спите так.

— Он велел создать лучшие условия, вот и будь добр — создавай! — не унимался Илюша, воинственно размахивая крошечным металлическим пальцем. — Тащи сюда свою глиняную жаровню, заполняй её лучшим древесным углем и лично следи, чтобы жар не падал ни на градус! Мне крайне важно подзарядиться. Это великий Зевс может наполнить меня силой одной своей плазменной молнией, а вы, раз на такое не способны, будьте любезны предоставить стабильный огонь в жаровне! Если, не дай бог, температура упадет, я не только царю твоему пожалуюсь, но еще и самому Громовержцу весточку отправлю. И уж поверь, он тебе задаст такую трепку, что мало не покажется!

Спартанский воин озадаченно хлопал глазами, шумно почесывая затылок под жесткими волосами. Его учили не бояться смерти в строю, но инструкции на случай угроз от говорящих зверей законы Ликурга не предусматривали. Разум конвоира отчаянно сомневался в правди-

ности слов мартышки. Но, видя перед собой столь наглую, живую и говорящую обезьянку, можно было поверить в любую чертовщину. К тому же царь Клеомброт ясно приказал обеспечить этим «послам Зевса» полный комфорт. Выбора не оставалось — пришлось угождать чужакам, дабы не навлечь на Спарту гнев небес.

Тяжело вздохнув, спартанец развернулся и зашагал по коридору выполнять приказ. Стоило его шагам затихнуть, как Илюша победоносно крутанулся на хвосте и довольно оскалил зубы.

— Илюша, ну ты просто зверь! Я бы так в жизни не смог, — с искренним восхищением выдохнул Ваня, округлив глаза.

— Ничего, Вань, смотри на меня, слушай меня, чувствуй мой ритм! — наставительно произнес Илюша, гордо расправив плечи. — Однажды ты сам научишься так же жестко добиваться всего, что тебе жизненно необходимо для выживания. От того, насколько качественно я сегодня заряджу свои аккумуляторы, напрямую зависят ваши хрупкие жизни. И поверь, этот факт меня чертовски мотивирует.

Настало утро. Иван и Виктор проснулись от тихого шуршания и, приподнявшись на жестких ложах, заглянули в соседнюю комнату через открытый дверной проем. Картина, представшая их глазам, заставила ученых мгновенно захлопнуть рты от изумления.

Маленький киборг-мартышка блаженно развалился прямо на глиняных краях раскаленной жаровни, подставив металлическое пузико под остаточное тепло. А рядом, на коленях, послушно стоял вчерашний суровый воин. Великий спартанец, гроза врагов Лаконии, с поистине рабским усердием подкладывал свежие древесные угли в огонь, боясь потревожить сон высокотехнологичного «божества».

— Всё, хватит! — Илюша лениво потянулся, сервоприводы его лап довольно зажужжали. — Мой аккумуляторный заряд полон на сто процентов! Ты отлично постарался, воин. Скажи мне, как тебя зовут?

— Терпандр, сын Ликомеда! — с глухим, но явным всплеском гордости в голосе назвался спартанец, выпрямляя спину.

— Молодец, Терпандр! — обезьянка величественно кивнула, не слезая с теплой глины. — Ты и приставленные к нам илоты хорошо потрудились этой ночью. Продолжай в том же духе, кожаный, и я лично нашепчу царю Клеомброту на ухо, чтобы тебя из обычной караульной охраны перевели в священный отряд трехсот спартанцев! Скажи, у тебя есть сын?

— Есть! — уверенно и с замиранием сердца ответил Терпандр, чьи глаза теперь горели фанатичным блеском. Для него это было предложением, от которого зависела вечная слава его рода.

— Молодец, Терпандр! — обезьянка величественно кивнула, не слезая с теплой глины. — Твой отец Ликомед может гордиться тем, что воспитал такого достойного воина! Ты и твои подчиненные илоты хорошо потрудились этой ночью. Продолжай в том же духе, воин, и я лично нашепчу царю Клеомброту на ухо, чтобы тебя из обычного филака — простого стража — перевели в священный отряд трехсот! И тогда все жители города будут с гордостью называть тебя гиппеем! Терпандр — гиппей! Звучит, а? Скажи, у тебя есть сын?

— Есть! — уверенно и с замиранием сердца ответил Терпандр, чьи глаза теперь горели фанатичным блеском. Для него это было предложением, от которого зависела вечная слава его рода.

— Ну тогда я буду ходатайствовать перед царем, чтобы тебя в ближайшем будущем взяли в этот элитный строй! и твой сын будет гордиться тобой! — мартышка снисходительно похлопала своей маленькой лапкой по широкому плечу спартанца. — Я глубоко убежден: тот, кто способен создать идеальный комфорт для послов великого Зевса, способен в первых рядах защитить и всю Спарту!

С этими словами Илюша ловко спрыгнул с жаровни и бодрым галопом побежал в соседнюю комнату. Иван и Виктор, которые слышали весь этот безумный разговор от первого до последнего слова, сидели на своих лежанках и буквально выпучили на него округлившиеся от шока глаза.

— Илюш... ты тут находишься всего один день, — потрясенно прошептал Иван, качая головой. — А ведешь себя уже так, будто ты правая рука и личный советник самого царя Спарты!

— Когда будешь таким же умным и начитанным, как я, — самодовольно фыркнул Илюша, победоносно поводя ушами, — когда будешь владеть терабайтами знаний обо всём мире, тогда и у тебя появится такая же железная уверенность! Сможешь умело общаться с кем угодно и станешь по жизни четким, уверенным перцем! А пока — учись, Вань, и впитывай ритм.

Вскоре путешественников привели в тот самый просторный зал, где еще вчера они вели опасную беседу с царем. Клеомброта I пока не было, но Платон уже ждал их. Великий философ сидел у края массивного стола, с глубокой тревогой и надеждой глядя на входящих пришельцев. Стоило страже отойти, как он торопливо шагнул к Ивану.

— Иван! Скажи мне честно Ты ведь просто пошутил вчера про этот взрывной порошок? — горячим, умоляющим шепотом спросил философ. — Если наш свирепый царь завладеет такой разрушительной силой, мне страшно даже представить последствия. Нельзя допустить рождения второго Зевса! Один уже карает людей с небес своими безжалостными молниями, а второй начнет испепелять всё живое на земле огненным порошком... Это окончательно погубит несчастную Элладу!

Иван внимательно всмотрелся в старое, исчерченное глубокими морщинами лицо мыслителя. В мудрых глазах Платона плескался самый настоящий, первобытный страх от вчерашних слов программиста. Становилось понятно: философ напуган не на шутку, он видит грядущую катастрофу. Иван открыл было рот, собираясь успокоить старика, но не успел произнести ни слова.

В этот самый миг воздух в центре зала неестественно загустел, задрожал и зазвенел от колоссального статического напряжения. С оглушительным хлопком вспыхнула ослепительно-белая, идеальная сфера чистого света, пахнувшая озоном. Марсианские гости и Платон в ужасе отпрянули назад, закрывая лица руками от слепящего сияния. Из этого высокотехнологичного портала плавной, царственной походкой вышла прекрасная молодая девушка.казалось, её безупречная кожа светилась изнутри, а в пронзительных глазах искрилась сама чистая жизнь. Стоило её босой ноге коснуться каменной плиты, как белое сияние мгновенно схлопнулось и исчезло, словно его никогда не было. Девушка словно материализовалась из самого воздуха.

— Кто это?.. — выдохнул очарованный Иван, онемев от сказочной, неземной красоты незнакомки. Сердце программиста пропустило удар.

— Это Афина... — благоговейно, со смесью страха и преклонения отозвался Платон. — Мудрая покровительница моих родных Афин...

— О! Плутовка олимпийская пожаловала в самое сердце Спарты! — раздался за спинами громовой, полный яда голос рассерженного царя.

Клеомброт I появился внезапно, заставив Ивана вздрогнуть от испуга, в то время как маленькая обезьянка лишь хитро прищурила свои оптические датчики, продолжая сканировать и анализировать ситуацию. Спартанский правитель медленно вошел в зал, буравя гостью тяжелым взглядом.

— Гляжу, Гефест времени зря не теряет, — процедил царь, складывая мощные руки на груди. — Улучшил всё-таки свой портал? Теперь вам, небожителям, больше не нужны послуш-

ные рабы для поручений, можете являться лично. А ведь раньше ваш предел был — добраться до покорных Афин!

— Телепорт! Это чистой воды телепорт! — радостно заверещал Илюша по закрытой связи, отчаянно жестикулируя лапками на плече Виктора, словно пустился в пляс. — Нам нужно срочно подружиться с этой девчонкой! Через неё мы гарантированно выйдем на Гефеста. Этот кузнец починит наш преобразователь, и мы наконец-то вернемся домой! Ура! Я верил! Я искренне в это верил! Я же вам сразу, еще в лесу сказал, что бог-кузнец нам всё отремонтирует! Вуаля! Я всегда говорю только правильные вещи, и меня нужно слушать беспрекословно!

От этого бурного ликования мартышки Иван и Виктор лишь молча переглянулись и слабо улыбнулись. В их уставших глазах впервые зажглась настоящая, осязаемая надежда. Появление Афины и правда выглядело как технологическое чудо, способное спасти их и вернуть домой, в будущее.

И пока Илья судорожно строил в процессоре планы спасения, ученые вновь посмотрели на Афины, не в силах отвести глаз от ослепительного сияния олимпийской гостью. Избыток неземной красоты буквально лишил их дара речи.

— Приветствую тебя, о благороднейший и гордый царь! Тебя уважает вся Греция, и мой суровый отец — не исключение, — начала Афина, и её голос полился под каменными сводами, словно сладкий мед. — Он всегда ценил серьезных, гордых правителей, которые не боятся огрызаться, видя в этом проявление истинной силы. Я пришла к тебе с важной вестью прямо с Олимпа.

— А что, твой отец не послал своего верного посыльного Гермеса? — хмыкнул Клеомброт I, даже не думая смягчать тон. — Того бездельника только пусти на порог — замучит фальшивыми рассказами, шныряя по углам дворца, как крыса.

— О, Клеомбротушка, ну не сердчай ты так! — весело рассмеялась богиня, сделав изящный шаг вперед. — Ты же сам прекрасно понимаешь: явись сюда Гермес, ты бы его прямо на этом месте своей тяжелой рукой зашиб. А на меня у тебя рука не поднимется. Несмотря на твой суровый лаконский нрав, в глубине души ты добр и молодую девчонку ни за что не обидишь.

— Давай без этой твоей афинской лесты. Выкладывай прямо, чего Зевс хочет.

— Мой отец крайне недоволен объемами поставок стали из ваших кузниц. Ему нужно гораздо больше! — Афина посерьезнела, и в её глазах на миг блеснул холодный металл. — Он создает новую, глобальную оборонительную систему «Молния», способную раз и навсегда защитить Элладу от любых персидских захватчиков.

— И заодно подавить любое волнение среди своих же людей, верно? — резко отрезал царь, с хрустом сложив массивные пальцы в тяжелый, как кувалда, кулак. — Ни единого грамма стали я ему больше не дам! Спарта в состоянии сама себя защитить от кого угодно! И мы в сомнительных услугах Зевса больше не нуждаемся. Пусть он там у себя на горе знает меру! Слишком много он хочет. Мы ему не послушные рабы, чтобы из нас все соки до капли выжимать! Мы — свободный народ и готовы помогать Олимпу лишь в пределах разумного. Но добровольно превращать своих людей в послушных псов я не собираюсь, так и передай своему отцу! Либо мы возвращаем все условия договора, как было десять лет назад, либо он от Спарты вообще ничего не получит!

В этот момент в зал, тяжело и хрипло дыша, вошел Агесилай II. Старый царь сильно прихрамывал на одну ногу, опираясь на сучковатый деревянный посох, но его взгляд оставался по-прежнему цепким.

— Почему ты не в постели, старик? — грубо бросил ему Клеомброт I, всем своим видом давая понять, как он недоволен тем, что в разговор вмешивается второй соправитель Спарты.

— Как я могу спокойно лежать в своих покоях, когда перед нами стоит сама Афина! — выдохнул старый царь, благоговейно склоняя седую голову. — Для всей Лаконии огромная честь встречать тебя здесь, дочь великого Зевса.

Клеомброт брезгливо закатил глаза — его откровенно тошнило от этого подобострастия, а от самого словосочетания «великий Зевс» спартанцу хотелось плевать прямо на каменные плиты.

— Говоришь, великий бог на Олимпе нуждается в нашей помощи? — продолжал Агесилай II, делая шаг к сияющей богине. — Спарта обязательно поможет. Даже если новая дань стально выше требуемого, спартанцы — сильный народ. Мы всё выдюжим ради воли небожителей!

— Что ты несешь, старик! — брезгливо бросил Клеомброт, делая шаг наперерез сопровителю. — Чем старше ты становишься, тем сильнее дуреешь. Какой вообще прок нам помогать этому зажавшемуся Зевсу? Ты своими собственными руками роешь Спарте могилу!

— Олимп поможет нам в неизбежной войне против Фив! — резко перебил его Агесилай, со стуком опустив посох на камень. — Ты же сам видишь, как фиванцы стремительно набирают мощь. Если мы не остановим их прямо сейчас, они развяжут жуткую междоусобную войну. Начнется кровавый хаос, которым мгновенно воспользуются персы! Они придут и без труда разобьют нашу ослабевшую, расколотую Элладу. Этого нельзя допустить!

— Агесилай! — Клеомброт окончательно сорвался на крик, и его голос громом раскатился под сводами зала. — Фивы нам не враги! Единственный истинный враг наш — это Зевс с его удушающими технологиями! А ты — слепой глупец, раз добровольно ведешь свой народ к нему в рабство.

— Мои славные предки всегда помогали богам, я помогаю, и ты будешь! — отрезал Агесилай II, и в его старых глазах блеснула былая сталь. — В наше тяжелое, полное опасностей время главное — это стабильность и порядок. А ты своим безумным самовольством погубишь всю Элладу!

— Ха! Громкие слова, — Клеомброт хищно прищурился, смерив сопровитателя презрительным взглядом. — Тебе, я гляжу, вообще нормально живется под гнётом тирана? Ты готов лизать пятки Олимпу ради своей мнимой стабильности?

— По крайней мере, я всё еще живой, — ледяным тоном осадил его старик, сильнее сжав посох. — А не мертвец, пронзенный небесной молнией ради твоих безумных амбиций.

— Агесилаюшка, Клеомбротушка, ну пожалуйста, не ругайтесь! — Афина притворно, сокрушенно вздохнула, прижав изящную ладонь к груди. На её безупречном лице отразилась фальшивая печаль. — Мне искренне больно видеть, как простые просьбы моего отца рушат вашу вековую, крепкую спарганскую дружбу.

— Извини меня, Афина, я вовсе не хотел тебя расстраивать... — старый царь виновато склонил голову, а затем наткнулся взглядом на угол зала. — О! А эти двое... Они прибыли вместе с тобой?

Агесилай II только сейчас, сквозь пелену гнева, заметил застывших у стены Ивана и Виктора.

— Нет, — Афина задумчиво и очень медленно окинула марсиан своим пронзительным взглядом-сканером. — А-а! Наверное, это те самые послы, которых мой отец отправил к вам заранее. Он ведь до самого последнего не верил, что у нашего доброго дядюшки Гефеста получится телепортировать меня с помощью квантового узла прямо сюда, к тебе, Агесилай.

— Какие еще, к черту, послы?! Это мои люди! — мгновенно отрезал Клеомброт I.

Афина звонко, заливисто рассмеялась, и этот смех эхом запрыгал по суровым каменным плитам.

— Твои люди? Ой, не смей меня, Клеомброт! Посмотри внимательно на своих спарганских воинов — они суровы, свирепы и крепки, как лаконская сталь. Настоящие, опасные

лесные волки. А эти двое? Это же дружелюбные, домашние песики! Таких изнеженных собачек хочется только ласково погладить по шерстке, совершенно не боясь, что они откусят тебе руку.

— Они мои, и точка! — рявкнул молодой царь, сжав кулаки.

— Клеомброт, не смей пленить олимпийцев! — снова подал голос испуганный Агесилай, стукнув посохом по полу. — Ты совсем обезумел от своей гордыни! Умерь свой пыл, иначе великий Зевс сам лично спустится с небес и покарает тебя за такую дерзость!

— Да, Клеомбротушка, — мило, но с леденящей душу угрозой улыбнулась Афина, наклонив голову набок. — Твой соправитель прав. Если мой разгневанный отец спустится сюда, тебе и твоей Спарте точно не сдобровать.

— Твой отец слишком зажрался! — гремел Клеомброт I, чеканя каждый шаг по залу. — Он слишком ленив, чтобы оторвать свой зад от золотого трона и лично спуститься ко мне в Лаконию. Он прекрасно знает: если спустится, обратно наверх уже не вернется. Он мастер только молнии из-за туч пускать! А вот выйти один на один и решить все наши разногласия по-мужски, лицом к лицу, — на это твой отец трус!

— Клеомбротушка, но он ведь создает мощнейшее оружие, способное менять судьбы народов, — мягко, с деланным сочувствием возразила Афина.

— Ой, я тебя умоляю! Что он там сам создать может? — царь издевательски фыркнул. — Гефест всё делает сам своими руками, а твой отец просто пуляет ими во все стороны, как капризный ребенок! Но нас, спартанцев, этим дешевым шоу не напугать. Вашим молниям далеко лететь до Спарты — до нас не долетят. А если и долетят, здесь просто нечего крушить! У нас нет золотых дворцов и хрупких башен. Пусть твои изнеженные Афины дрожат перед его гневом — они погрязли в роскоши и до смерти боятся её потерять!

— Мне искренне нравится твоя гордость, она действительно заслуживает уважения, — Афина мило улыбнулась, и в её пронзительных глазах-сканерах снова блеснул опасный, леденящий огонек. — Но как бы ты ни гневался, Клеомброт, как бы ни разглагольствовал здесь, ты всё равно сделаешь то, что прикажет мой отец. Ни один разумный человек в Элладе не пойдет за безумцем, который в одиночку решил бросить вызов самим небесам.

— Я хочу спасти этот мир! — бешено прорычал молодой царь, подаваясь вперед. — Мы для твоего отца — как беззащитные овцы в покорном стаде, а он рвет нас, словно голодный лесной волк. Я больше не позволю, чтобы нами управляли!

— Довольно! — не выдержал и сорвался на крик Агесилай II, со всей силы грохнув посохом о каменные плиты. — Ты еще глупый мальчишка, Клеомброт, который решительно ничего не смыслит в истинной власти! Наберись сначала моей мудрости, проживи с мое, а потом смей дерзить дочери Громовержца! Пока я нахожусь в этом зале, ты будешь беспрекословно подчиняться!

— Мы оба здесь законные цари, Агесилай! Не забывай об этом!

Старый правитель проигнорировал его выпад и тяжело повернулся к сияющей девушке:

— Афина, я дам официальный ответ Олимпу чуть позже. А сейчас — уходи с миром и забери с собой своих людей.

— Это мои люди! — окончательно взревел Клеомброт I.

С металлическим звоном он сорвал с пояса короткий меч-ксифос и направил его острие прямо в грудь своего престарелого соправителя. Глаза молодого царя налились кровью:

— Ты веришь этой олимпийской плутовке, а не брату по оружию?! Если я сказал, что эти чужаки мои — значит, мои!

В эту секунду, когда цари готовы были пролить кровь друг друга, Афина среагировала молниеносно. На её безупречном лице не отразилось ни единой эмоции. Резким, отточенным движением она бросила на каменный пол под ногами марсиан небольшую серебристую сферу.

Раздался оглушительный хлопок, и зал мгновенно заполнил густой, плотный и абсолютно непроницаемый белый дым, пахнувший озоном. Клеомброт яростно закашлялся, вслепую рубя ксифосом воздух, а стража у дверей испуганно схватилась за копья.

Когда завеса наконец развеялась, в помещении воцарилась звенящая, мертвая тишина. Ни прекрасной богини, ни диковинных путешественников с их говорящим зверьком в зале больше не было. Телепортационный портал сработал безупречно. Лишь потрясенный Платон и два тяжело дышащих спартанских царя застыли посреди пустой комнаты, в оцепенении глядя на то место, где только что стояли их ценные пленники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.